

В. В. ЦЕЛИЩЕВ

Рассел и «Трактат» Витгенштейна: забытый долг

Часто повторявшееся Витгенштейном восклицание Рассела «Логика — это ад!» дает хорошее представление о трудностях этой проблематики. Конечно же, мотивация как самого Рассела, так и Витгенштейна в этих исследованиях скорее была философской, нежели математической. Эта точка зрения все более утверждается в текущей литературе, и одно из признаний такого рода принадлежит самому А. Тарскому. Любопытным свидетельством в этом отношении была лекция, которую А. Тарский прочел в Новосибирском государственном университете (где присутствовал автор данной заметки), «Что такое логическое понятие», где он прямо сказал, что в понимании развития логики и оснований математики те, кто заинтересован в философии, предпочитают «Principia Mathematica», а те, кого интересует математика, предпочитают исчисления и аксиоматику Цермело. В этой связи уместно напомнить, что многое в «Трактате» связано именно с проблематикой «Principia Mathematica» и философией Рассела (либо в виде заимствований, либо критики), о чем забывает или попросту не знает значительное число интерпретаторов и комментаторов «Трактата»* <...>

Еще более резко по этому поводу высказался Я. Хинтикка в своей элегантной книжке «О Витгенштейне». Глава 3 этой книги имеет характерное название «Мысли Рассела под названием “Логико-философский трактат”». В ней, после перечисления пунктов Трактата, начиная от знаменитого «1. Мир есть все, что имеет место» до «3. Логический образ фактов есть мысль», с ключевым «2.061. Атомарные факты независимы друг от друга», говорится следующее: «Скептически настроенный читатель тут же спросит: “Откуда Витгенштейн знает все это? Откуда взялись эти размашистые тезисы?” Например, откуда Витгенштейн знает, что структура мира

* Опущены суждения некоторых отечественных философов о Витгенштейне, не имеющие прямого отношения к Расселу. Ссылку на полную версию статьи см. в разделе Примечания. — *Прим. науч. ред.*

состоит из неанализируемых объектов, соединенных в атомарные факты?»*. Ответ на эти вопросы также очень характерен: «Ясно, что прецедентом структуры мира в *“Трактате”* является мир, который может быть подвержен анализу до простых объектов. Только мыслитель, стоящий на плечах Рассела, — или скорее, на плечах расселовской теории знакомства — мог быть настолько нахальным, чтобы выдвинуть теорию, которую мы находим в *“Трактате”*, без всякого подтверждения или аргументации. *“Трактат”* Витгенштейна, если прибегнуть к самому простому определению, есть вариант расселовской теории знакомства**.

Так что при броских отзывах о качествах *«Трактата»* нужно быть достаточно осторожным, дабы не впасть в огульную критику тех мыслителей, чьими плодами Витгенштейн воспользовался при его написании <...> Одним из них является почти хрестоматийное представление о том, что в период интенсивных дискуссий между Расселом и Витгенштейном последний, будучи поначалу учеником, перехватил инициативу и стал ведущим в этом творческом дуэте в момент созревания идей *«Трактата»*. На этот счет есть признания самого Рассела, злостная история с обруганной Витгенштейном неопубликованной рукописью расселовской *«Теории познания»*, уход Рассела из логики и т. д.

Этот эпизод является любопытной иллюстрацией рождения философии в истории аналитической философии. Г. Ландини, автор нескольких книг о творчестве Б. Рассела, на основании «раскопок» в архиве Рассела в университете Мак-Мастер, сумел показать, что ситуация была полностью обратной: именно Витгенштейн был ведомым, что нашло отражение в названии книги: *«Ученичество Витгенштейна у Рассела»*. Здесь важно подчеркнуть, что речь идет не о психологии отношений двух мыслителей, а о соотношении идей, нашедших отражение в *«Трактате»*, с идеями расселовской тогдашней философии. Тут лучше предоставить слово самому Г. Ландини: «*“Логико-философский трактат”* Витгенштейна породил множество интерпретаций со времени его публикации в 1921 г. С временем обнаружился некоторый консенсус в отношении критики, содержащейся в *«Трактате»*, направленной против ранней философии Рассела. Оспаривание этого консенсуса является предметом этой книги. Неопубликованные рукописи Рассела привели к революции в понимании его философии. Рукописи раскрывают, что консенсус в отношении критики *“Трактатом”*, характеризует позицию Рассела, которой он попросту не занимал. Новое прочтение Рассела требует нового прочтения

* Хинтиikka Я. О Витгенштейне. М., 2013. С. 27.

** Там же. С. 29.

Витгенштейна. Расселовский логический атомизм не есть соединение эмпиризма с логикой разветвленной теории типов и типовой стратификацией сущностей (пропозициональных функций), соединение, основанное на принципе знакомства с sense-data. Логический атомизм есть исследовательская программа для разрешения философских проблем путем использования структурной переменной — онтологически простой структурный реализм. Витгенштейн трансформировал структурную переменную в свою *Доктрину Показывания*. Книга идентифицирует *Grundgedanke* (фундаментальную идею) с *Показыванием* и говорит, что Рассел и его ученик Витгенштейн были союзниками в исследовательской программе, которая делала логический анализ и реконструкцию сущностью философии»*.

Другими словами, при оценке «Трактата» стоит помнить о том, что «Трактат» имел дело с важными проблемами, технический характер которых почти полностью упускается в множестве его интерпретаций. Так называемая *Подстановочная Теория* Рассела, ставшая предметом обсуждения в последние три десятка лет, была альтернативой *Разветвленной Теории Типов*, которая легла в основание «Principia Mathematica». Причины драматического отказа Рассела от *Подстановочной Теории* в пользу ее альтернативы изложены в другой книге Ландини и не касаются нас здесь. Важно понимать, что критика Витгенштейном Рассела относилась к *Разветвленной Теории Типов*, неудовлетворительный характер которой Рассел осознал лучше других. И уже философской, если не сказать, метафизической ипостасью *Подстановочной Теории* была концепция *Показывания* Витгенштейна.

Понимание некоторых размышлений Витгенштейна в «Трактате», как оказалось, неизбежно связано с идеями Рассела, в частности, с той самой его «*Теорией Познания*», которую критиковал Витгенштейн. В самом деле, как пишет Я. Хакинг, «в [“Трактате”] есть пассажи, которые не имели никакого смысла для серьезного читателя до 1984 г., пока не была опубликована брошенная “Теория Познания” Рассела <...> Рукопись 1913 г. имеет смысл для некоторых частей “Трактата” <...> Рассел в 1914 г., собираясь отправиться на восточное побережье США читать лекции по логике, уединился на неделю с Витгенштейном и машинисткой-стенографисткой, чтобы извлечь новые идеи Витгенштейна и получить от того критические замечания. В конце концов оба участника, не замеченные за недостатком выносливо-

* Landini G. Wittgenstein's Apprenticeship with Russell. Cambridge, 2007. P. IX.

сти, были истощены; любителям мелочей очень хотелось бы знать, что обо всем этом думала секретарь»*.

Знаменитый пассаж из *«Трактата»* 5.6 «Границы моего языка означают границы моего мира» получает некоторое объяснение как раз в контексте расселовской рукописи: «Кстати говоря: в 1913 г. именно Рассел написал о “тюрьме опыта”. Это совершенно солипсистская идея, суть которой в том, что мы должны доказывать наш путь от нашего собственного непосредственного сознания к существованию чего-либо другого. Не может ли быть так, что предложения Витгенштейна, пронумерованные от 5.5 до 5.6, относятся к рукописи 1913 г., и что солипсизм входит в пассажи от 5.6 до 5.641 только потому, что книга Рассела говорит, хотя и кратко, о необходимости бежать из тюрьмы опыта?»**

Далее, нужно также учитывать то обстоятельство, что интерпретации *«Трактата»* сместились со временем от технических вопросов о природе логики к более «философским» проблемам, что явилось результатом утраты контекста. Попытки Рассела «переписать» некоторые вещи во втором издании *«Principia Mathematica»* в духе витгенштейновской критики не получили одобрения у заинтересованных лиц и были встречены чуть ли не враждебно соавтором А. Н. Уайтхедом. К моменту встречи Витгенштейна с Венским кружком повестка дня была совсем другой, а с ней на первый план вышли другие аспекты *«Трактата»*. Для Венского кружка чуть ли главным в *«Трактате»* был его антиметафизический характер, в то время как Рассел обратил внимание на мистицизм Витгенштейна. Ясно, что при таком подходе каждый брал из Витгенштейна то, что было созвучно с соответствующим временем. В какой степени тут можно говорить о «первозданной» идее *«Трактата»*, трудно даже догадываться, хотя именно такого рода догадки стали со временем целой индустрией.

Наконец, при обсуждении *«Трактата»* зачастую не принимается во внимание «переходный» период в философии Витгенштейна, период отхода от идей *«Трактата»*. Особо это относится к вопросу о влиянии *«Трактата»* на Венский кружок. А. Коффа так говорит об этом: «Трудно оценить соотношение доктрин “Трактата” и доктрин, которые Витгенштейн объяснял дружественно настроенным позитивистам в конце 1920-х гг. Формат заседаний с его участием <...> не был особо подходящим для исследования того, в какой степени то, что говорил тогда Витгенштейн, способствовало проясне-

* *Hacking I. Solipsism. Review of D. Pears' «The False Prison. A Study of the Development of Wittgenstein's Philosophy» (Vol. I) // London Review of Books. 4 February. 1988.*

** Ibid.

нию его линии в “Трактате” или же противоречило ей. Однако нет никаких сомнений, что его взгляды на фундаментальные проблемы в этот период быстро менялись^{*}. Этот пассаж сопровождается у Коффа еще более любопытной сноской: «Бесчисленное множество британских друзей Витгенштейна предполагало, что всякий раз, когда позитивисты приписывали взгляд Витгенштейну, обычно это было следствием непонимания “Трактата”. Совершенно независимо от того факта, что никто серьезно не мог претендовать на ясное понимание, что “Трактат” говорит о чем-либо, есть еще дополнительный относящийся к делу факт, что позитивисты говорили с Витгенштейном целые годы, начиная с 1927 г., и, следовательно, можно предположить, что когда он излагал эти самые свои взгляды, то они относились к тому времени, а не к взглядам декадой ранее»^{**}.

Что касается влияния как «Трактата», так и лично Витгенштейна, на доктрины Венского кружка, с моей точки зрения лучше всего проявляется в период, когда как сам Витгенштейн, так и ведущий представитель кружка Р. Карнап предприняли новые шаги в своей философской эволюции. В переходный период для обоих мыслителей важное место занимала проблема соотношения синтаксиса и семантики. «Трактат» является выражением «одномирового» взгляда, согласно которому семантика невозможна. Некоторые исследователи полагают, что *Доктрина Показывания* есть какого-то рода попытка «прорыва» Витгенштейна к семантике. Однако Витгенштейн ушел от этой проблематики, отказавшись от идеального языка «Трактата» в пользу естественного языка, в то время как, например, Карнап переходит от синтаксиса к семантике. Такое радикальное расхождение взглядов вряд ли склоняет к заключению о каком-то родстве или влиянии даже их исходных взглядов. Об этой стороне отношений язвительную реплику отпускает А. Коффа: «Шлик пригласил Витгенштейна на заседания Венского кружка, дабы обсудить с коллегами «Трактат». Это было похоже на приглашение Христа обсудить Священное Писание с Вольтером <...> В продолжительной борьбе деревенского атеиста и деревенского священника, которая занимала так много места в немецком популярном философствовании, Витгенштейн, как показалось позитивистам, недвусмысленно находился на стороне первого. Мало же они знали о нем: ведь он приходил в ужас от безбожного материализма деревенского атеизма»^{***}.

* Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа. М., 2019. С. 326.

** Там же. С. 326.

*** Там же. С. 325.